

Фэн Цзю была довольна своей догадкой об этих загадочных двух годах. У Чэнь Е и Араньи действительно была любовная история. Поскольку это была память Араньи, ее чувства к Чэнь Е были несомненно ясны. С другой стороны, Фэн Цзю полагала, что поскольку Аранья не очень ясно видела чувства Чэнь Е тогда, то Фэн Цзю, соответственно, не могла ясно видеть их сейчас.

Третий принц Небес часто говаривал: «Взгляни на любовь, чтобы увидеть возлюбленного». Например, была страстная любовь, верная любовь, а также обходительный вид любви. Были люди, которые любили сильно, но говорили очень мало. А были такие, которые и любили сильно, и не боялись выразить свои чувства словами. Нельзя сказать, что чувства другого человека не были любовью только потому, что его любовь отличалась от твоей собственной.

Она всегда восхищалась третьим принцем за то, что он был экспертом в любовных делах. Если об этом говорил он, значит, это были действительно годные советы. Она решила проверить его выводы на Аранье и Чэнь Е. Она подумала, что за последние два года, несмотря на его недружелюбное отношение к Аранье, несмотря на его беззаботные слова, возможно, он был из тех людей, которые сильно любят, но очень мало говорят. Его любовь была именно такой обходительной любовью.

Воспоминания об этих двух годах были слишком ничтожны. Слишком ленивая, чтобы просматривать каждое, Фэн Цзю случайно выбрала день ближе к концу. Она посмотрела в зеркало и увидела павильон. Внутри стоял каменный стол. Сверху лежал букет цветов, названия которых она не знала. Рядом стояла широкая ваза.

Чэнь Е сидел у каменного стола с книгой в руке. Два года домашнего ареста сделали его более холодным и сдержанным. Он сосредоточился на своей книге, время от времени переворачивая страницы. Аранья села рядом с ним. Она целеустремленно возилась с букетом на столе. Иногда она с энтузиазмом ставила срезанные стебли в вазу и рассматривала их. В другое раз она ставила их перед Чэнь Е и спрашивала, хорошо ли они выглядят, нужно ли их еще подстричь. Снова и снова Чэнь Е поднимал глаза от книги и спрашивал ее: «Ты села рядом со мной, чтобы мешать мне читать?»

Аранья притворилась, что тычет его в подбородок стеблем цветка, который держала в руке.

- Что за удовольствие читать в одиночестве? Я здесь, чтобы составить тебе компанию. - Она засмеялась. - Не потому ли, Ваша Светлость, что вы не хотите оставить меня ни на минуту?

Чэнь Е наклонил голову и неохотно сорвал несколько громоздких листьев.

- Твоя способность выдумывать истории становится все лучше и лучше. Стебель здесь немного длинноват, листьев тоже слишком много.

Аранья непринужденно улыбнулась.

- Ваша Светлость, вы мне льстите. Эта скромная женщина умеет лишь читать ваши мысли.

Чэнь Е перехватил ножницы у нее из рук.

- Если ты еще раз назовешь меня «Ваша Светлость», а себя - «скромная женщина», я вышвырну тебя вон.

Аранья мягко улыбнулась.

- Ваша Светлость, вы всегда говорили, что вышвырнете эту скромную женщину, но ведь вы никогда этого не делали, не так ли?

Когда она держала стебель цветка, его соцветия закрывали волосы у ее уха. Его взгляд задержался на ее профиле довольно надолго. Она сделала вид, что ничего не заметила, и положила в вазу последний стебелек букета. И тут она услышала, как он тихо сказал: «Повернись».

Она снова повернулась к нему, ее глаза все еще улыбались.

- Это была всего лишь шутка. Не сердись и не выгоняй меня.

Он не произнес ни слова, лишь встал и взял маленький цветок из вазы, затем слегка наклонился и воткнул его ей в волосы. Он нежно погладил ее висок, потом остановился и отстранился, снова взял книгу и увлеченно уставился на страницы. В наступившей тишине перевернулась еще одна страница.

Она на мгновение замерла, потом дотронулась до цветка за ухом и тихо сказала: «Иногда мне кажется, что этого недостаточно. Но иногда я чувствую, что это уже здорово, когда ты такой».

Он снова оторвал взгляд от книги. «А чего не хватает?» - спросил он, казалось, неуверенно. Но она только улыбнулась и покачала головой.

Лучи рассвета окрасили маленький павильон в теплый цвет. Облака и легкие волны скользили безостановочно. Лазурный пруд мягко поблескивал в утреннем свете. В воздухе витал аромат лотоса. Пара в павильоне из воспоминаний медленно исчезла, оставив лишь бледный силуэт на фоне огромного пейзажа.

Этот силуэт был волнующим и даже несколько жалким для Фэн Цзю. Было бы здорово, если бы их история могла навсегда прерваться в этот момент времени. Но чему суждено быть, того не миновать. Мо Шао сказал ей, что записи в исторических книгах, относящиеся к тому, что произошло после этих двух лет, состояли всего из нескольких слов; это было ни что иное, как трагедия. По мнению Фэн Цзю, всегда были времена, когда учебники истории были недостаточно надежными. Тем не менее, когда последующие воспоминания всплыли перед ее глазами, она была удивлена, обнаружив, что исторические записи, относящиеся к смерти короля Сянли Цюэ, были действительно правдивы, как бы редко это ни было.

Вечером 16 июля из дворца пришло известие, что король скончался от болезни. Его Величество всегда был здоров и бодр. Было неясно, что это за редкое заболевание; она знала только, что было объявлено о его смерти, и так оно и было. Аранья играла в шахматы с Чэнь Е, когда ей сообщили эту новость. Ее камень со стуком упал на доску, приведя игру в хаос. Чэнь Е молча держал в руке белый камень. Слуга поспешно взял плащ и накинул его на запястье Араньи. Она быстро вышла. Переступая порог, она повернула голову и сказала: «Ход только что не в счет. Сохрани игру такой, какая она есть. Мы определим победителя в другой день». Чэнь Е повысил голос: «Подожди». Он встал, взял из вазы белый цветок, подошел к ней, снял с ее уха нефритовую заколку и заправил цветок ей в волосы. Его пальцы быстро погладили ее висок, прежде чем он остановился и сказал ей: «Иди».

Через три дня Аранья не спеша вернулась домой. Все в поместье осталось по-прежнему, за исключением того, что архимаг, который гостил в поместье Мэнчунь в течение последних двух лет, как говорили, был приглашен обратно во дворец Цинань. Старый управляющий вытер пот со лба и сообщил ей, что он собирался послать кого-нибудь во дворец, чтобы сообщить ей новость, не зная, что она вернется. Архимаг ушел всего несколько минут назад и, вероятно, не слишком далеко. Подразумевалось, что если принцесса хочет попрощаться с Его Светлостью, то еще есть время.

Преследовать его в таком положении, как у Араньи, было не совсем прилично. Ее управляющий был охвачен тревогой, но она была вполне сдержанна. На какое-то мгновение она погрузилась в свои мысли, затем сбросила плащ и сняла увядающий цветок с волос. Аранья немного посидела на вечернем ветру. Унесенные порывом ветра, лепестки лежали, как пятна, на девственно чистой земле. Она посмотрела на голый стебель в своей руке и грустно улыбнулась.

- Ты дал мне это в тот вечер, чтобы попрощаться? А я и не знала.

У каждого правителя есть свои вассалы. У разных королей, находящихся у власти, разные порядки. Влияние храма всегда было независимым от короны. Даже Сянли Цюэ было трудно подавить влияние святилища без архимага, когда он все еще был на троне, и уж тем более это не мог сделать Сянли Хэ, у которого не было такой сильной поддержки. Вот почему Чэнь Е был препровожден обратно во дворец Цинань.

Несмотря на то, что она сама была правительницей, Фэн Цзю на самом деле не понимала этих соображений относительно Сянли Хэ. С тех пор как она себя помнила, ее дом Цинцю менял правителей лишь однажды. Это было, когда она заняла место своей тети. Она помнила, что с тех пор, как ее тетя ушла со своего поста, она каждый день жила счастливо и всегда смотрела на нее с сочувствием человека, который уже побывал на ее месте. Кроме того, ее подданные из Восточных земель были в основном необразованны. Самым большим их увлечением было притворяться простолюдинами и устанавливать прилавки на рынке. Если они и ссорились, то только потому, что кто-то занял чей-то лоток. По их словам, Цинцю было сказочным королевством. Хотя они занимали правительственные посты и обладали некоторой властью, как они могли вести себя подобно людям и позволить власти ослепить их? Хотя божества на Девяти Небесах также сражались за такие позиции, всё потому, что у них не было никакой цели в жизни. Они не испытывали удовольствия от управления ларьком, их привлекали более высокие материи, например, власть. Другими словами, у них просто не было интереса к жизни. Неизвестно, были ли ее подданные правы или нет, но они действительно избавили ее от многих

неприятностей.

Эти воспоминания нахлынули на нее одно за другим, как водопад, обрушивающийся со скал, разбрызгивая ледяные брызги, когда они падали на гравий внизу. С незапамятных времен эти так называемые трагедии всегда проходили на фоне хаоса, жестокого и неконтролируемого. Следующий виток воспоминаний был тесно связан со слухами в рассказе Су Мое.

Как оказалось, это не было ложным утверждением.

Было 22 июля. Погребение Шанцзюня близилось к завершению. Когда наступила ночь, поместье принцессы было окружено. Аранью вывели из дома в наручниках и привели во дворец. Ее обвинили в цареубийстве.

Главным обвинителем из уголовного ведомства, ведавшего этим делом, был младший брат ее матери, ее дядя.

После того, как Шанцзюнь скончался, было бы очевидно, что престол займет наследный принц. Однако наследный принц Сянли Хэ никогда не пользовался особым уважением. В тот момент он был бессильным наследным принцем, который станет всего лишь королем-марионеткой, и вся власть перейдет в руки госпожи Цинхуа. Все при дворе прекрасно знали, что этот обвинитель из уголовного ведомства - всего лишь прихвостень госпожи Цинхуа. Другими словами, человек, который возложил эти обвинения на Аранью, был ее собственной матерью. Тот, кто заманил ее в ловушку, был ее собственной матерью, и тот, кто теперь упрямо толкал ее на смерть, был также ее собственной матерью.

На седьмой день после ареста Араньи госпожа Цинхуа соизволила навестить ее в тюрьме. Ее камера была скромной. Из кучи сена была приготовлена циновка для сна. Рядом с дверью камеры стоял маленький гнилой столик, на краю которого стояла тусклая масляная лампа. Аранья в простой мантии прислонилась к столу, чтобы попрактиковаться в каллиграфии. За дверью камеры стоял тюремщик, наблюдая за жаровней. Каждый раз, когда она исписывала лист бумаги, он забирал его и сжигал.

Длинное, до пола, платье госпожи Цинхуа скользнуло по каменной лестнице темного подземелья. Услышав тихий шорох, Аранья подняла голову, чтобы взглянуть на своего гостя. «Раз уж ты здесь, чтобы увидеть меня, я полагаю, ты позаботилась обо всем во дворце», - ее тон был нежным, как будто они встречались в королевском саду, а не в тюремной камере.

В своем роскошном дворцовом одеянии Цинхуа остановилась в двух шагах от двери камеры. Тюремщик открыл дверь и спустился вниз. Аранья, держа в руке законченный пергамент, продолжила: «Здесь ничего не происходит. Сначала я действительно не понимала, почему ты обвинила меня в этом, но после некоторого размышления я, кажется, поняла причину».

- Ты всегда была умной, - легко ответила Цинхуа. Она опустила глаза и некоторое время не отрывала взгляда от ее лица, затем достала из рукава запечатанный документ и фарфоровый флакон. Она на мгновение заколебалась, затем наклонилась и положила их на старый стол. -

Взгляни на это, - в ее голосе не слышалось никаких эмоций. Это было похоже на те бесчувственные небрежные ответы, которые она давала всякий раз, когда Аранья приходила выразить свое почтение.

В тусклом свете свечи на сложенном документе проступили слабые чернильные штрихи. Аранья разложила его перед собой и пробежала глазами по энергичному почерку на пергаменте. Ее фигура была слегка изможденной. Каждый раз, когда она смотрела на листок бумаги, ее лицо становилось все бледнее. Через некоторое время она подняла глаза на мать. Кроме того, что она выглядела немного бледной, и у нее дрожали руки, в остальном выражение ее лица было спокойным. Ее губы все еще были в состоянии изогнуться в улыбке, когда она сказала: «Его Превосходительство Чэнь Е написал этот отчет довольно методично. Это так не похоже на его обычный непринужденный стиль».

Когда Цинхуа посмотрела на нее, в ее глазах появилось чувство жалости. «Тебе здесь удобно?» - наконец спросила она.

Аранья склонила голову в задумчивости. Через некоторое время она тихо засмеялась и дала неуместный ответ: «Мой отец был решительным человеком всю свою жизнь. Я не думала, что он когда-нибудь проиграет слову «любовь». Наверное, он и представить не мог, что ты до сих пор не забыла отца Цзюйно. Цзюйно, без сомнения, была бельмом на его глазу. Когда он изгнал ее из столицы и разрушил ее будущее, он делал это только для своего удовольствия. И все же, поступая так, он посеял семена своей смерти. Но, мама, ты же терпела все эти годы не для того, чтобы останавливаться на достигнутом? В конечном счете, твоя цель - сделать Цзюйно королевой и вернуть то, что принадлежало ее отцу, я права?»

Она посмотрела на пламя свечи и сказала: «Наследный принц, я, а также Чанди - мы все преграждаем путь Цзюйно. Поскольку наследный принц - не твой сын, ты, естественно, не проявишь к нему милосердия. Чанди - простушка, у нее нет ничего, кроме высокомерия. Возможно, хорошим вариантом было бы лишить ее рассудка. Королевская семья никогда не позволит сумасшедшей девчонке стать их правителем. Но иметь двух дочерей-наследниц, которые сошли с ума, - это, несомненно, вызовет сплетни среди людей. Одна из нас должна умереть. Раз уж ты защищаешь Чанди, я должна быть той, кто умрет». Она заставила себя улыбнуться: «Я не думала, что ты дойдешь до этого. Мама, твой план действительно не оставил мне выхода».

В тюрьме стояла мертвая тишина. Аранья отложила записи в сторону, развернула лист бумаги и намазала кисточку чернилами. Капля чернил упала на открытую бумагу. Она, понизив голос, сказала: «Ты спрашивала, удобно ли мне здесь. Тогда я выжила после того, как ты бросила меня в змеиную яму. На этот раз ты, по крайней мере, помня, что я люблю каллиграфию, сделала исключение, и для меня подготовили бумагу и чернила, чтобы я могла скоротать время. Тогда как я могу чувствовать себя некомфортно?»

Прошло много времени, прежде чем Цинхуа, наконец, сказала: «Ты знаешь, что я не одна участвую в этом деле».

Кисть в руке Араньи задрожала. На бумаге было написано: «Многие перемены в этом

эфемерном существовании - всего лишь предопределенная судьба в игре». Ее почерк изначально был очень хорош, но из-за дрожи в последнем слове он потерял свою элегантность.

Тем не менее, она крепко держалась за кисть.

Глаза Цинхуа остановились на ее письме, когда она сказала тихим голосом: «Положение Чэнь Е было престижным с того дня, как он родился. Даже король помнил о нем. Он всегда был очень сильным духом, даже в детстве. Он зашел так далеко, что разрушил свое будущее, чтобы спасти Цзюйно. И все же лучший стратег в этих мирских делах никогда не должен стремиться к своим собственным чаяниям. Его первоначальным намерением было составить долгосрочный план, пока он был в изгнании, но ты хотела его для себя. Знаешь ли ты, что именно это он ненавидел?» Она взглянула на нее и продолжила: «Ты только что оплакивала сентиментальность своего отца и его полное поражение от слова «любовь»? Твой отец был ужасающе вероломным. Я предпочла бы умереть, чем жить, но единственное, что я могла сделать, это находиться рядом с ним. Но как насчет тебя? Хотя ты и умна, но в этих вопросах ты намного уступаешь своему отцу. Чэнь Е просто играл с тобой, но он заставил тебя думать, что это была настоящая любовь, и довел тебя до этого несчастья. Разве это тоже не поражение от слова «любовь»?

Свет от пламени свечей скудно разливался по записям. В прошлом этот же почерк был написан и на белой почтовой бумаге: он писал, что нашел во дворе несколько ее кувшинов с вином, и спросил, было ли это вино приготовлено тем способом, о котором говорилось в письме, или нет. Сегодня это был все тот же почерк, но написанные на нем слова были совершенно абсурдны: «Сяньли Аранья виновна как в цареубийстве, так и в отцеубийстве. Ее сердце более жестокое, чем у волков и тигров, ее поступки более беспощадные, чем повадки шакалов и леопардов...»

К строчке «предопределенная судьба в игре», написанной поверх рисовой бумаги, она добавила еще одну: «Эта печаль и горе, эта тревога и страх, все в свое время пройдет». Она всегда утешала себя этими словами, когда в прошлом сталкивалась с невыносимой болью. Закончив последний иероглиф, она отложила кисть и понизила голос: «Что ты подразумеваешь под «игрой?»

Глаза Цинхуа казались еще более жалостливыми, когда она сказала: «Он просил твоего брата даровать ему брак».

Аранья медленно подняла голову.

- Она не из знатной семьи. Но ее спасает то, что она скромна и добродетельна. Она преподает в Императорской Академии. Я слышала, что эта женщина какое-то время жила в твоём поместье; ее имя обозначается одним иероглифом - Тянь. Вэнь Тянь, даже ее имя звучит благородно.

Аранья закрыла глаза. Через некоторое время она сказала: «Я чувствую себя немного уставшей. Матушка, пожалуйста, уходи».

Цинхуа повернулась, затем, сделав два шага назад, оглянулась и сказала: «Твое дело было решено сегодня утром, казнь состоится через три дня. Чэнь Е прислал этот отчет в полдень, прося Его Величество перенести казнь в храм. Перенести исполнение приговора в святилище дело понятное, поскольку там гораздо больше инструментов наказания, чем в подземелье уголовного ведомства. Я знаю, даже если твоя душа превратится в пепел, ты никогда не захочешь испытать это унижение. Если ты не можешь вынести это, то используй лекарство в фарфоровом флаконе, чтобы покончить с этим самостоятельно. Как твоя мать, это последнее сострадание, которое я могу тебе предложить».

Когда фигура Цинхуа исчезла с участка тусклого света от масляной лампы, Аранья внезапно задрожала в конвульсиях. Полный рот крови окрасил белую бумагу и черные слова в красные кляксы. Маленькое пламя лампы беспокойно заколебалось, а затем окончательно погасло.

Фигура Цинхуа остановилась у двери подземелья. Когда она уже собиралась идти дальше, Аранья вдруг заговорила из своей камеры хриплым голосом: «Сострадание? От тебя ко мне?»

- Ты, наверное, помнишь тот год, когда учитель Мо спас меня из змеиной ямы, - продолжила она после приступа кашля. - Когда я впервые увидела тебя, они сказали, что ты моя мать. Мне было очень приятно видеть, как ты прекрасна. Когда я увидела, что ты направляешься ко мне, я подбежала обнять тебя, но случайно упала. Ты прошла мимо, как будто не видела меня, как будто я была цветком, травинкой или гравием. Твоя юбка задела мое лицо. Я была сбита с ног и повредила руку, но ты смотрела прямо перед собой и прошла мимо меня. Шуршание ткани, скользящей по земле в тот день, было точно таким же, как и сегодня.

Пальцы Цинхуа сжали ткань платья с рисунком магнолии.

Последовал еще один приступ кашля.

- Я никогда в жизни не знала, что такое любовь. Ты была скупа, даря ее, так что я боролась за нее сама. А теперь ты разрушаешь и ее. Я действительно не понимаю. Почему ты так жестока? Разве я твой враг? Приносит ли тебе удовлетворение видеть, как я страдаю?

Губы Цинхуа дрогнули.

- Если ты перевоплотишься, я отплачу тебе в наших следующих жизнях.

Аранья слабо улыбнулась и устало сказала: «Пусть наши смертные узы закончатся в этой жизни. Если есть другая жизнь, мне больше нечего просить. Мое единственное желание - никогда больше не видеть тебя в загробном мире».

В воздухе повисла удушливая тишина. Шаги Цинхуа отдалились еще дальше. Они были едва различимы, но можно было услышать скрытое смятение от этих, казалось бы, спокойных шагов. Когда фигура Цинхуа исчезла в темноте за дверью тюрьмы, тюремщик, стоявший в отдалении, поспешил зажечь лампу.

На последней сцене этого фрагмента памяти Аранья сложила окровавленный документ и медленно зажгла лампу. Пламя заплесало на расплывчатых пятнах крови и в мгновение ока сожгло их. Пепел посыпался на деревянный стол, принося с собой маленькие искрящиеся угольки.

Су Мое спросил: «Если однажды она обидится из-за Чэнь Е, то по какой причине?» Тогда она пошутила, сказав, что это случится потому, что когда-то он принадлежал ей. Например, он влюбился в нее, а потом перестал любить и вместо этого влюбился в кого-то другого. Она не ожидала, что однажды ее слова станут пророческими. Вероятно, он никогда не любил ее, и даже ее драгоценные воспоминания были всего лишь ложью. Как же он был умен!

Она опустила глаза на свои израненные пальцы, которые облизали язычки пламени. Через некоторое время она сказала себе: «Смог бы ты выместить свою злость, если бы увидел, как я выгляжу сегодня, Чэнь Е?» Прошло много времени, прежде чем она добавила: «Но знаешь, для меня эта месть слишком жестока». Масляная лампа отбрасывала ее отражение на темную каменную стену. Силуэт был величественным, но от него веяло вселенской печалью.

<http://tl.rulate.ru/book/32932/810415>